

Иванэ Мчедладзе

Модели альтернативного литературного дискурса в современной украинской литературе: Поэтика противоположностей

Литературно-культурные процессы в украинской литературе XX-XXI веков представляют значительный эмпирический материал для проведения советологических и постколониальных исследований. Выход из советской «закрытой глобализации» и деидеологизация науки стали причиной появления новых стандартов во всех сферах, в том числе, и в литературоведении. Литературная компаративистика, как дисциплина гуманизма, является доминантным дискурсом в литературоведении деидеологизированных постсоветских стран. Внедрение методов компаративистики дает возможность изучения литературных процессов в интеркультурной перспективе. Этот подход положил начало преодолению культурной закрытости и ведению литературных исследований с использованием интердисциплинарных подходов. Для осмысления советского прошлого важна геокультурная миграция новых теорий постоянно трансформирующегося сравнительного литературоведения (постколониальная теория и постсоветский опыт), которая, с одной стороны, дает возможность культурной интеграции с европейским контекстом, с другой стороны, расширяет поле исследований постколониальных студий опытом стран, входящих в бывший Советский блок (*о чем рассуждают Жан Марк Мура, Г. Спивак и другие известные компаративисты*).

В дневниках Михаила Булгакова встречается одна очень интересная запись, датируемая 30 сентября 1923 года: «*Наши газеты всячески раздувают события, хотя, кто знает, может быть, действительно мир раскалывается на две части – коммунизм и фашизм. Что будет – никому не известно*» (Булгаков 2012:34). История очень скоро подтвердила, что мир XX века и, в первую очередь, Европа, разделилась на фашистский и коммунистический тоталитарные режимы, имеющие особые механизмы контроля литературы и культуры.

Монолитный/империалистический соцреалистический культурный проект, отражают политику тоталитаризма и обусловил деформацию литературных процессов, отмеченных интерпретационной свободой. Он стал противоположностью господствующей в начале XX века модернистско-авангардной культуры. Однако, литература продолжала свое органичное, имманентное развитие открыто или скрытно.

На протяжении всего XX столетия литература развивалась по двум направлениям: формальному – советскому и неформальному – антисоветскому. Именно подобным давлением было вызвано развитие неформального/альтернативного литературного дискурса, противостоящего строго декларированным принципам государственного идеологического аппарата. Для нашего исследования важно формулировка его главного концепта – альтернативного литературного дискурса, т.е. того, что мы подразумеваем под данной дефиницией.

Подобно другим республикам, украинский литературный процесс XX века представлен оппозицией – советский и антисоветский дискурсы. Эта пара проявляет различные культурно-литературные рефлексии на одни и те же процессы. Мы остановим внимание именно на эти отличающиеся рефлексии, которые абсолютно закономерно можно назвать **альтернативным литературным дискурсом**.

В современной/постколониальной гуманитарной науке, на международных научных форумах и симпозиумах альтернативный дискурс неоднократно становился предметом спора. В результате накопилась богатая научная литература об европейских и советских литературных процессах.¹

Авангард – новое обозначение границ:

Самый сложный период формирования социалистического реализма, 20-30-ые годы XX века, также имели свою рефлексиию в украинской литературе. Одновременно существовали и, в принципе, находились в антогонизме два больших явления – **поздний модернизм** в разных своих проявлениях (*авангардизм – символизм, импрессионизм, футуризм и т.д.*) и новая **пролетарская псевдокультура**, в дальнейшем уже **социалистический реализм**, который рассматривается как модель «закрытой культурной глобализации». В результате этих процессов в Киеве и Харькове появились многочисленные группировки, которые в точности отразили динамику культурной жизни. Столица советской Украины этого периода, Харьков, был своеобразной социально-культурной лабораторией, где одновременно создавались авангардная и новая пролетарская культуры.

¹ Подразумевается несколько международных симпозиумов, организованных Институтом грузинской литературы им. Ш. Руставели и Грузинской ассоциацией компаративистской литературы (GCLA), таких, как: «*Тоталитаризм и литературный дискурс: опыт XX века*», «*Литература в изгнании: литература эмигрантов: опыт XX века*», «*Национальные литературы и процесс культурной глобализации*». Симпозиумы заинтересовали международную научную общественность. Материалы симпозиумов были опубликованы на английском языке, в издательстве Кембриджского университета. Все материалы имеют электронные версии и доступны для читателей: <http://literaturatmcodneoba.tsu.ge/sxvagamoc.htm>

Из разновидностей авангарда в украинском литературном дискурсе самое масштабное проявление нашел футуризм, переживший довольно интересный генезис. Необходимо отметить, что данное явление открыто или сокрыто одновременно противостояло как устаревшим/провинциальным традициям, так и большевистскому императиву.

Несмотря на то, что современные исследователи футуризма отмечают тесную связь этого направления с политикой (*с тем же фашистским или коммунистическим режимами*), украинскую рецепцию авангардизма нужно считать первой и крупной альтернативной моделью. По данному вопросу интересное воззрение предлагает сотрудница парижского Центра сравнительного литературоведения и поэтики, Майя Рафаэль-Варсимашвили: *«В странах диктаторского режима авангардом 1910-1920-ых годов движет желание модернизации собственной страны и ее включения в европейскую геокультурную среду и он строит межкультурную взаимосвязь по собственной модели»* (Варсимашвили-Рафаэль 2014:379). Естественно, что господствующая большевистская империалистическая идеология не поддержала бы процесс зарождения в недрах авангарда, футуризма вестернизации культурных векторов, в рамках которой украинская культура воспринималась как неотъемлемая часть европейского культурного пространства. Во всем советском литературоведении авангардизм во всех своих проявлениях рассматривался как декадентное явление. После снятия советского контроля над наукой и культурой, стал доступен до того находящийся под грифом секретности архивный материал, в том числе, воззрения о писателях-модернистах высших должностных лиц (*И. Сталина, Л. Берия*). Эти воззрения полностью совпадают с дискурсом превратившейся в жандарма литературной критики. Известно, что большинство писателей-модернистов стали жертвами репрессий (*или эмиграции/внутренней эмиграции*).

Проблемы поисков культурных векторов переросли в литературный дискурс. Украинская литература, начавшая с модернизма, а затем перешедшая в авангардизм, характеризуется размежеванием от маргинальных позиций и стремлением к европейским тенденциям. Развитием модернизма и авангардизма в недрах собственной культуры украинская литература старалась интенсивно интегрироваться во всемирный литературный процесс. В советской Украине большой резонанс имела статья Микола Хвильевого *«Про сатану в бочке, или про графоманов, спекулянтов и других "простветителей"»*, в ней критиковалась позиция пролеткультуры относительно развития современной литературы. В литературоведении признано, что с этого момента официально началась и приобрела размах дискуссия на эту тему. Отзывы на

упомянутую статью опубликовали Григорий Яковенко и другие. Процесс становился все более масштабным и проходил в нескольких этапах. Как свидетельствует новейшая научная литература, масштабным характером процесса было обусловлено вмешательство правительства с целью его пресечения: *«В 1934-1937 годах из-за участия в дискуссии советские карательные органы осудили и даже физически уничтожили многих деятелей искусства»* (Ткачук 2014:18). Активным участником и единоличным лидером всего процесса выступил Микола Хвилево́й. В его очерках «Камо грядеши?», (1925) «Апологети писаризму» (1926), «Украина или Малороссия» четко проявилось противостояние навязанным советской Россией пролеткультурным принципам и вестернизации культурных векторов. Подобные тенденции ярче всех проявились в эссе «Апологети писаризму», где автор четко ставит акценты: «Следовательно, поскольку наша литература становится наконец на свой собственный путь развития, постольку перед нами стоит такой вопрос: на которую из мировых литератур она должна взять курс?» и сразу входит в конфликт с декларированными новой политической концепцией тенденциями: *«Во всяком случае, не на русскую. Это решительно и без всяких предостережений. Не надо путать нашего политического союза с литературой... Наша ориентация - на западноевропейское искусство, на его стиль, на его приемы... Москва сегодня есть центр всесоюзного мещанства...»* (Хвилево́й 2007:831). В этот же период одна часть украинской литературной элиты (М. Хвилево́й, М. Зеров и др.) активно рассуждали о концепции «Европейского Ренессанса» по поводу развития современной украинской литературы; эта концепция также не укладывалась в официально провозглашенный нарратив.

Ясно, что подобные попытки оказались принципиально неприемлемыми в процессе создания т.н. государственной культурной модели. Творческая деятельность модернистов оказалось в маргинальной позиции относительно тоталитарного искусства и в итоге завершилась весьма трагически.

В 1934-1937 годах в Украине, также как и во всем Советском Союзе более ста писателей и деятелей искусства стали жертвами тотальных репрессий, их литературное наследие внесено в историю Украины под названием *«Расстрелянное Возрождение»*. Начатые ими модернизация, реформация и новое обозначение культурных границ отодвинулось далеко на после или стало предметом сокрытого действия.

Литература эмигрантов, как оппозиционный дискурс:

Против создания политически ангажированной литературы, обусловленной советским культурным нарративом, выступило еще одно большое крыло молодых

украинских писателей. Их оппозиционный дискурс был продолжен в эмиграции. Литература эмигрантов – важный вектор канонов новейшей украинской литературы. Украинская эмиграция является одной из сильных и многочисленных среди постсоветских республик.

Еще В 1958 году на Празднике Искусств в Корнельском университете Владимиром Набоковым – одним из самых глобально мыслящих писателей XX столетия – была прочитана лекция *«Писатели, цензура и читатели в России»*. Писатель отмечал, что современного читателя держат на *«скудной литературной диете»* (Набоков 2014: 39-40.) Эта диета продлилась еще несколько десятков лет, что обусловило деформацию литературного дискурса в советских республиках. Данное воззрение Набокова абсолютно релевантно для все республик Союза.

Мы уточняем рабочий термин и согласны с мнением современного компаративиста И. Ратиани, что *«мы не разделяем термин «литература эмиграции», поскольку литература сама по себе не может быть дифференцирована по данному признаку. Статус эмигранта можно присвоить писателю»* (Ратиани, 2010:155). Ученый в качестве рабочего вносит термин «литература писателей-эмигрантов». И. Ратиани осознанно не разделяет утвердившийся в советском идеологизированном научном дискурсе термин «эмиграционный», который трактует творчество писателей, находящихся в эмиграции, как неприемлемое, «чужое» и ограничивает его от национальных литературных канонов. Возвращение материалов, принадлежащих эмигрировавшим в Европу и Америку писателям стало возможно лишь после распада Советского Союза и они стали доступны для ученых.

В научной литературе бытует несколько мнений о хронологических границах и принципах украинской эмиграционной литературы. Часть ученых разделяет волну эмиграции на два этапа: конец Первой мировой войны и конец Второй мировой войны и последующий период. Ученые Василь Шептюк и Иван Гавдида также обращают внимание на третью волну эмиграции – это уехавшие в эмиграцию во время Брежневского Застоя украинские диссиденты. Однако, современные исследователи говорят об эмиграции XX столетия, начиная с рубежа веков (XIX-XX вв.), затем хронология продолжается периодом Первой мировой войны и творчеством писателей Первой народной республики, которые вынуждены были эмигрировать после свержения Первой народной республики. Писатели, эмигрировавшие в разные страны мира, в большинстве случаев объединялись в группы и направления по эстетическим принципам, имели собственные издательства и периодику.

Первая волна эмиграции, лидером которой был Евгений Маланюк, взяла старт с Чехословакии, а позднее перешла в Варшаву. Писатели этого периода вошли в историю литературы под названием «Пражской школы»: *«Это была элитная группа, поэты которые сближаются между собой мировоззренческими принципами, государственническими убеждениями, проблематикой и высокохудожественными вкусами»* (Ткачук 2014: 329). Литературная концепция и ориентация «Пражской школы» однозначно отграничивалась от соцреалистических принципов и строго критиковала его отрицательное влияние на родную украинскую литературу. В этой связи особое внимание заслуживают работы Евгения Маланюка «Конец русской литературы» (1926), «Бурные годы» (1927), «Очерки из истории нашей культуры» (1945), «Советские литературные дела». Для определения культурной и литературной ориентации воззрениям Маланюка придается особое значение. На протяжении долгого времени его литературное наследие было табуировано для украинского читателя, также, как и творчество других эмигрантов. Маланюк в своих публицистических и поэтических произведениях активно перекликается с норманской теорией Д. Донцова, с проблемами украинской государственности и вопросами культурной идентичности в условиях колониализма. *«Еще один аспект историософской концепции Е. Маланюка – «малороссийства» в литературе – находим в его теоретических трудах («Мысли об искусстве», «Творчество и национальность», «Поэзия и стихи», «Очерки из истории нашей культуры») и в поэтической практике. Исследователь обосновывает тезис исторической ответственности художника, который «рождается всегда нацией», – пишет современный исследователь творчества Маланюка О. Филатова (Филатова 2013:91). Проблему малороссийства он затрагивает уже в своем первом сборнике «Стилет и стилос».*

Из творчества антисоветских эмигрантов-украинцев выделяется обширный литературный материал *«Пражской школы» (Чехословакия-Польша), «Искусствоведческого движения Украины» (Германия), эмигрантов во Франции, «Нью-Йоркской группы», литературные передачи украинского бюро радио «Свободы»; периодические издания «Мы» (Варшава), «Культура» (Париж), «Современность» (Мюнхен). Заслуживает внимания эмиграционное крыло США – поэты «Нью-Йоркской группы». В истории украинской литературы XX века они занимают немаловажное место. Их поэзия существовала с опорой на два значительных источника – на родную украинскую поэзию, на «Расстрелянное Возрождение» 20-30-ых годов и на новых традициях западноевропейской и американской литератур (Ткачук, 2014:441).*

Украинская эмиграция XX века, фактически, продолжила огромную волну модернизации, изуродованную соцреализмом и прекратившуюся насильем и

репрессиями 30-ых годов. Она имеет типологическую связь с эстетическими принципами «Расстрелянного Возрождения». Наблюдение над наследием литературы эмигрантов дает повод сказать, что они смогли вывести украинскую литературу из маргинализированных империалистической моделью провинциальных позиций и включить ее в европейский контекст (*то, о чем активно рассуждали в Киеве 20-ых годов Микола Хвилевой и его единомышленники*).

Литературное наследие антисоветских украинских эмигрантов справедливо включено в национальный литературный процесс и является важной моделью альтернативного литературного дискурса.

Литература как маркер идентичности – сборник «Расстрелянное Возрождение»:

В истории Украины XX века 3 ноября 1937 года отмечено особой трагичностью. В этот день в Соловецком лагере расстреляли выдающихся представителей украинского Возрождения: Леся Курбаса, Миколу Кулиш, Валерьяна Пидмогильный, Михайло Ялов... Их больше ста. Украинское национальное Возрождение эпохи модернизма превратилось в «Расстрелянное Возрождение».

Разговоры о «Расстрелянном Возрождении» в Украине были недопустимы до того времени, пока не произошла их реабилитация во II-ой половине XX века – после разоблачения культа вождя, в период мнимой оттепели. Однако, в этот же период, очень скоро, опять было положено строгое табу на данный вопрос и, в реальности, он сохранил актуальность лишь на неформальных встречах или т.н. «самиздатах» поколения шестидесятников. Антисоветская украинская эмиграция, фактически, была «охранником» их отброшенного эстетического и интеллектуального наследия; также эмиграция стала творцом основанной на ценностях «Расстрелянного Возрождения» национальной культуры.

В 1957 году по инициативе польского общественного деятеля Ежи Гердойц была подготовлена Антология украинской поэзии 1917-1933 годов. В осуществлении указанной инициативы ему помог украинский эмигрант, литературовед и культуролог Юрий Лавриненко. История составления сборника и вообще, украинско-польские культурные контакты отразились в личной переписке Лавриненко и Гердойц, продолжающейся несколько лет. В письме к Юрию Лавриненко, датирующемся 17 ноября 1957 года четко проступает мотивация создания сборника. В письме, написанном в 1958 году, рождается название Антологии – **«Расстрелянное Возрождение»** (Гердойц 2008:566-595).

Антология была издана в Париже, в издательстве Гердойц «Культура». Позднее – в постсоветской Украине в издательстве «Смолоскип». В Антологию включены произведения репрессированных авторов, написанные в 1917-1933 годах. В нее также попали такие авторы, которые спаслись от репрессий и физической ликвидации, хотя создателями книги воспринимались творчески репрессированными.

Выход сборника был своеобразной культурной акцией, разговоры о «Расстрелянном Возрождении» активно велись за пределами железного занавеса советской Украины. В 1959-1966 годах в Нью-Йорке, в эфире радио Свободы, впервые вышла авторская передача Юрия Лавриненко «Литературный мир». В передаче неоднократно ставился вопрос ставшего жертвой репрессий Украинского Возрождения. В первой передаче состоялась презентация указанного сборника. Метод репрессий оказался средством, недостаточным для приостановления и контроля литературных и культурных процессов. Последующая волна украинского Возрождения в творчестве известных писателей пошла уже в 60-ых годах XX века под названием «Поколения шестидесятников» (Шевчук 2013:10).

«Период оттепели»: шестидесятники, «Самиздаты», литературный дискурс диссидентов:

Социалистический реализм, также как и государственная идеология, со II-ой половины XX века претерпели коллизию. Разоблачение культа вождя и наступление т.н. «оттепели» вызвали мнимую либерализацию тоталитарной политики и усиление национализма в ряде республик, в том числе, и в Украине. Советскую культуру II-ой половины 50-ых и 60-ых годов формируют новые лица и имена. В современных гуманитарных исследованиях особенно усилились генерационные и трансгенерационные тенденции и их роль в формировании культурной памяти и идентичности. Согласно интересным наблюдениям профессора-литературоведа Г. Джохадзе, *«использование этого понятия (подразумевается «поколение» И. М.) во Франции начали со времен революции... Концепция «поколения» развивалась, менялась до 1968 года, пока молодежь не создала поколение нового типа... В 1968 году появилась книга «Поколение», которая выступала против всех поколений и всех форм авторитарности. Много говорили и о том, что поколение – это люди одного возраста и одной памяти. В работе ученый затрагивает также генерационную концепцию Пьера Нора, которую он трактует следующим образом: Пьер Нора подчеркнул, что поколение является одним из мест памяти, местом, которое может сохранить память подобно гранитному мемориалу»* (Джохадзе 2015:29).

Ясно, что поколение представляет собой важную культурную категорию, особенно в процессе осмысления модернистского сознания. В постколониальном обществе поколение предстает индикатором социальных и культурных сдвигов. Важную роль играет поколение в эволюции и коррекции литературных процессов/канонов. Таким явлением представляется нам культурная концепция деятелей искусства нового поколения в советской Украине 60-ых годов, в период «мнимой оттепели» и ее роль в национальном литературном каноне. В литературоведении данное явление вошло под названием «шестидесятников» и отображает культурные маркеры, созданные целым поколением. Иван Драч, Микола Винграновский, Дмитро Павличко, Лина Костенко – совершенно неповторимые имена украинской литературы 60-ых годов. *«Художнику – немає скутних норм. Він норма сам, він сам в своєму стилі. У цей столітній і стобальний шторм Я кидаюсь в буремні гори-хвилі»*, – в этих словах выдающегося поэта поколения, Иван Драча, хорошо видна новая концепция. Новыми художественными формами (сонет, робаиа), новым стилем и модернистскими тенденциями поэты-шестидесятники были похожи друг на друга и, вместе с тем, отличались художественной индивидуальностью. Их отличительными маркерами были четко выраженный национальный нарратив и интеграция с западной культурой новыми формами и содержанием стиха. То, что литературная эстетика «Расстрелянного Возрождения» взяла наследием из романтизма, поколение шестидесятников обогатило новыми интерпретационными формами. В этом отношении особенным текстом выступает «Маруся Чурай» Лины Костенко – это появление национального героя и новые механизмы поиска идентичности в период доминирования соцреализма.

Поэтическая и литературоведческая деятельность Дмитро Павличко, литературоведческая деятельность Евгения Сверстюка, Ивана Свитличного, Ивана Дзюба обогащают культурную панораму Украины 60-ых годов. Понятно, что перед коммунистическими властями встала проблема наступления новой культурной волны. В этот же период активизировались новые механизмы идеологического и правового контроля над искусством. Большинство шестидесятников все же были вынуждены пойти на определенные компромиссы, хотя репрессии, запрет публикаций их произведений, притеснение и внутренняя эмиграция (Лина Костенко) опять оставались удобными методами борьбы. Административные запреты вновь оказались недостаточными для подавления истинных интеллектуальных и духовных поисков. В 60-ые годы в России и других республиках, в особенности, в Украине, настоящие культурные процессы перешли в подполье и появились новые формы коммуникации –

«Самиздаты», вокруг которых объединились шестидесятники и нонконформисты и их запрещенные произведения. В Самиздатах печатались Лина Костенко, Иван Драч, Василь Симоненко, Василий Стус, а также русские и зарубежные авторы. В Самиздатах также публиковалась проза, поэзия, мемуаристика, тексты политического характера, литературоведческие и культурологические работы, а также эпистолярные и личные дневники В. Стуса, В. Степанюка, Л. Костенко. «Интернационализм или русификация» Ивана Дзюба был текстом, известным каждому диссиденту в Советском Союзе. Книга авторитетного современного исследователя украинских самиздатов Олесь Обертас «Украинский самиздат», являющейся этапной монографией, отмечает колоссальную роль в формировании канонов украинской литературы XX столетия. Самиздаты, как культурный underground, были во всех значительных районах Украины: во Львове (М. Косив, И. Гель), в Ивано-Франковском (В. Мороз, П. Заливаха) и т.д. Самиздаты этого периода по проблемно-тематическому принципу Олесь Обертас разделяет на два равнозначные условные модели: защита украинского языка и культуры и борьба за права человека в условиях коммунизма. По мысли ученого, данные реалии были наиболее релевантными условиям существования Украины в составе СССР (Обертас, 2010:99-100). Защита украинского языка как главного маркера национальной идентичности, была одной из основных задач диссидентов.

Результаты коммунистической политики 60-ых годов обусловили особенную активацию диссидентского движения. Известный советский диссидент, литературовед и защитник прав человека, Леонид Плющ, в одном из своих интервью озвучил интересное воззрение о диссидентстве, самиздатах и вообще, об эпохе «Я думаю, что в широком смысле этого слова диссидентство - это появление личности. Мы были массой, мы были "мы", мы были биомассой. (Потом я понял, что это касается и нации: украинцы как биомасса для будущего советского, то есть российского народа)... И вот из этого индивида начала появляться личность». В том же интервью Плющ оценивает роль самиздатов в истории эпохи: *«Фактически, самиздат - это своего рода интернет до интернета, это диалог между разными индивидами, разными личностями, это своеобразный персонализм»*. (Плющ, 2009:433).

В истории нонконформизма и диссидентства совершенно особое место занимает украинский поэт Василий Стус. История трагической жизни Василия Стуса является символом национальной гордости Украины. В Киеве, в центральной части музея «Самиздатов» (при издательстве «Смолоскип»), вывешен огромный баннер с известными словами Василия Стуса, которые можно рассматривать как его жизненное кредо: «Из всех возможных героизмов в наших условиях существует только один

героизм мученичества, принудительный героизм жертвы». Василий Стус, как правозащитник, как поэт и творец с неповторимым стилем, неоднократно становился жертвой ссылок, голода, репрессий и мучений:

Во мне уже рождается Господь,
и полупамятный, полузабытый,
и словно не во мне, а с краю смерти
(куда живым – не сметь) – мой внук и прадед, –
переживает, пока я умру.

Я с ним вдвоем живу. Мы существуем,
когда нет ни души. Гремит беда,
как будто канонада. Он спасенье,
я белоусто вымолвлю: спаси,
мой Боже. Упаси на миг,
а после я, очнувшийся, спасу
и сам себя. Себя же самого.

Он хочет выйти из меня. Стремится,
меня спасая, истребить дотла,
чтоб на сквозных порывистых ветрах
я вышел из себя же сам, как сабля
идет из ножен. Хочет выйти прочь,
чтобы погасла свечка боли, тьма
покорности чтобы меня спасала
иною жизнью, инобытием,
иным именованьем, не моим:
вот правит чем тот исступленный Бог,
который норовит во мне родиться
(а я украдкой свечку засвечу,
чтобы вокруг до времени не смерклось,
пресветлый путь и черная свеча
сверкает, словно тайная победа).

Перевод с украинского Дмитрия Бака

(http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/8/st8.html)

Творчество Стуса долгое время было табуированным и распространялось именно посредством самиздатов. Его жизнь и творчество оказались в центре внимания

всех советских диссидентов, а также европейских авторов. Посредством его сына, известного культуролога Дмитро Стуса, для исследователей и вообще, для широкого круга читателей, стали доступны многие неизвестные, запрещенные материалы – записи и эпистолярное наследие Василия Стуса (книга «Василий Стус. Жизнь как творчество»). Жизнь Василия Стуса оборвалась в 1985 году в лагере в Мордовии.

Заключение:

В результате наблюдения над историей украинской литературы XX века проявляется сложнейшая динамика истории самой страны. В слоях формирования национальных литературных канонов осели как разрушительные результаты тоталитаризма, так и противостояния ему. В условиях отсутствия государственности и суверенитета художественная литература, творческие процессы предстают ареалом генерирования прогрессивных идей. Так было в текстах эпох романтизма и реализма, так осталось в литературной модели украинского модернизма XX века. Главной задачей в освобождении от империалистической/колониальной зависимости была интеграция с международными литературными процессами. Один из самых глобальных украинских авторов, Иван Франко, еще в XIX веке, в условиях царского колониализма писал: *«Каждый ведущий современный писатель – или он славянин, или немец, или француз, или скандинавец, – будто дерево своими корнями впивается как можно глубже и прочнее в свою родную, национальную почву, старается впитать и переварить в себе как можно больше его живых соков, а своим пнем и короной погружается в интернациональную атмосферу идейных интересов, научных, общественных, эстетических и нравственных соревнований. Только тот писатель может сейчас иметь какое-то значение, который умеет всей просвещенной человечности сказать какое-то свое слово в тех крупных вопросах, которые тревожат душу, и заодно сказать слово в такой форме, которая наиболее соответствовала его национальному характеру»* (Франко: <http://www.twirpx.com/file/1263576/>). В этих словах хорошо прослеживается осмысление глобального и локального как комбинации. Вопрос приобретал еще большую актуальность при рассуждении об украинской литературе, маргинализированной административными запретами и другими подобными методами. С данным воззрением Франко, высказанным более века назад, перекликается отношение к вопросу современных ученых – писатель присоединяется к международному литературному процессу своей культурной памятью и идентичностью (Ратиани 2013:196-198). В представленной нами работе проступили различные модели оппозиционного тоталитарному дискурса, которые действительно являются составной частью национального литературного процесса и отображают

тенденции интеграции со всемирными литературными процессами. Названный нами первый большой оппозиционный дискурс – модернизм и модернизованность – стал генератором истинных творческих процессов всего XX столетия. В Украине подавленный силой модернизм нашел продолжение в эмиграции. Эстетика модернизма, «Расстрелянного Возрождения», как поиск новой, европейской идентичности, стала определяющей всего последующего оппозиционного/альтернативного дискурса, об этом свидетельствует и выявленный в последнее время фактический материал. Эстетика постмодернизма открыла совершенно другие, отличные, новые перспективы уже в постсоветский период, который своеобразно положил конец модернизму и соцреализму.

Литература:

- Булгаков 2012:** Михаил и Елена Булгаковы, *Дневник Мастера и Маргариты*, сост., предисл., комент. В.И. Лосева. Москва.
- Гедройц 2008:** Єжи Гедройц та українська еміграція. Листування 1950-1982 років. Упорядкування, передне слово і коментарі Богуміли Бердиховської. Переклад з польської та англійської. Київ:Критика 2008
- Джохадже 2015:** Джохадже Г. TERRA HISTORICA. Тбилиси
- Набоков 2014:** Набоков Вл. «Писатели, цензура и читатели в России». Набоков Вл. Лекции по русской литературе. пер. с англ. С. Антонова. Санкт-Петербург: Издательство «Азбука», 2014
- Обертас 2010:** Обертас, Олесь. Український самвидав. Монографія, Київ «Смолоскип», 2010
- Плющ 2009:** Плющ, Леонід. «Соцреалізм дуже легко перейшов у нацреалізм», Розмовляля Олена Шарговська. Альманах «Літакцент», 2009 Випуск 2.
- Ратиани 2010:** Ратиани, И. Границы национальных литератур и сравнительного литературоведения // In: Tsakhnagi 2.

- Ratiani 2013:** Ratiani Irma, 'Weltliteratur' and Émigré Writers. Literature in Exile. Emigrants' Fiction (20th century experience), Proceedings Volume I, Tbilisi:2013
- Rafaeli- Varsimashvili 2014:** Maia Rafaeli-Varsimashvili France, Historical Progression of Avant-Garde: Borders Without Nationalism or Nationalism Without Borders?in: VIII International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism National Literatures and the Process of Cultural Globalization, Volume II.
- Стус 2015:** Стус Дмитро «Василь Стус. Життя як творчість». Київ ДУХ І ЛІТЕРА,Києво-Могилянська Бізнес школа, Видання третє, 2015.
- Стус 2015:** Стус, Василь «Во мне уже рождается Господь....». перевод с украинского и предисловие Дмитрия Бака. опубликованов журнале: Новый Мир 2011, 8 // (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/8/st8.html)
- Ткачук 2014:** Ткачук М., Українська література ХХ століття, Тернопіль
- Филатова 2013:** Филатова О.С. Украина в системе художественных рефлексий Евгения Маланюка. In: Материалы Международного симпозиума «Литература в изгнании. Опыт двадцатого века». Часть II. Тбилиси.
- Франко:** Франко, Іван. Інтернаціоналізм і націоналізм у сучасній літературі // <http://www.twirpx.com/file/1263576/>
- Шевчук 2013:** Шевчук, В. Літературний світ Юрія Лавріненка// Юрій Лавріненко. Літературний світ. Передачі на радіо «Свобода» з 12.XI. 1959 по 01. III. 1966. Київ: «Твім інтер», 2013